

Юрий Жауев

Оттепель шестидесятых...

1

Калейдоскоп армейской службы
рядового солдата

2

Анекдоты
про Никиту Хрущёва

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алматы 2013г.

Юрий Андреевич Бацуев

Оттепель 60-х

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42669804

SelfPub; 2019

Аннотация

«Оттепель» шестидесятых годов – это состояние страны, пробудившейся из оцепенения, царившего на протяжении нескольких десятилетий. Она почувствовалась даже в такой консервативной части общества, как армия. В умонастроениях солдат армия превращается из почётной и парадной (такое отношение к ней было при социализме) в нелепую и суровую необходимость. Именно под таким углом зрения воспринимается теперь армейская служба рядовым солдатом. «Я счастлив, что могу говорить здесь то, что думаю и хочу», – отмечает он в своём дневнике. Все иллюстрации из личного архива автора. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть первая. Калейдоскоп армейской службы рядового солдата.	4
Призыв и служба	4
Всплеск прошлого	4
Присяга	13
Танковые войска	14
Увольнение	21
«Приём пищи»	26
Как я стал «художником»	28
Рядовой Гольдберг	35
Младший сержант Митин	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Часть первая. Калейдоскоп армейской службы рядового солдата.

Призыв и служба

Всплеск прошлого

Мне вдруг вспомнился буровой рабочий Володя, который всё время воскрешал вслух свою службу в армии, хотя «положенных» три года ему не довелось отслужить – он был из-за болезни печени комиссован. Но рассказывал он об армии очень часто и вожделенно. Я даже подумал тогда, неужели этому человеку не о чём говорить, кроме армии. А сейчас этот момент неожиданно напомнил о той, прошлой уже жизни и о судьбе не состоявшегося воина – Володе.

Тогда наш буровой отряд стоял в небольшом посёлке, в котором учёные проводили какие-то исследования по животноводству. Как раз для них мы бурили скважины на подземные воды. После того как прямо в посёлке скважина вскрыла самоизливающуюся пресную воду отличного качества, руководство научного института сделало заказ на бурение ещё нескольких скважин. Благодаря этому мы и провели в населённом пункте целую зиму, вместо того чтобы совершать то и дело переезды на другие объекты, которые выпадали чаще всего на безлюдные места. Одним словом, нам повезло, и вскоре мы вступили в тесное общение с местным населением. А Володя, который часто вспоминал армию, подружился с одной местной девушкой. Звали мы её «пончиком». Её пухленький, улыбочивый и доброжелательно-располагающий вид как нельзя лучше подходил под это определение. Через некоторое время Володя женился на ней, и у них родилась дочь.

Вместе с Володей в отряде работала его старшая сестра. Она-то и потянула его за собой в буровую бригаду, где была поварихой. Причём прекрасно справлялась со своими обязанностями, за что и была всеми уважаема. Помимо кухонных блюд, она отлично выпекала домашний хлеб в печке, сооружённой во дворе, стирала всему отряду бельё и наводила порядок. Один сменный мастер белорус, по фамилии Ники-

форОвич, пристроился к ней по-семейному, отчего бригада выиграла, так как с тех пор только он носил поварихе воду, рубил дрова и, любовно воркуя, был у неё на подхвате.

Но случилось так, что Володя вскоре умер от болезни печени, а буквально через два месяца вслед за ним ушла из жизни и его сестра от онкологического заболевания. «Пончик» осталась с ребёнком на руках, а Иван НикифорОвич – без любимой подруги. Через некоторое время они объединились и создали полноценную семью. Об этом я узнал значительно позже, когда Никиворович стал старшим мастером и уже сам руководил буровой бригадой.

А сейчас я думал, за что же Володя так полюбил армию? Признаюсь, когда я начинал службу, меня страшно всё угнетало. Помнится, я подходил к солдатам третьего года службы и спрашивал: «Ну, хоть что-то есть здесь хорошее, что утешило бы душу?» И старослужащие, которые с виду были самодостаточные и бравые, отвечали: «Да ни хрена тут нет хорошего». Один даже с усмешкой спросил: – А сколько тебе ещё служить? – Тридцать шесть месяцев, – отвечаю. – Вешайся, говорит он. – А ты почему не повесился? – спросил я. – Мне было некогда, – хохотнул он.

Душевный разговор

Молодой солдат своему земляку:

– Забрали в самый расцвет юности. Тебе хорошо: ты женщину познал. В твои-то годы чего не служить?

Ефрейтор Кандаков: – Ну, и что из того, что познал и даже женился на ней до армии. Не прошло и полгода службы, как она нашла другого.

Сержант Горбатенко (встревая в разговор):

– Зато я вернусь, а у меня, хоть и не женат, но уже ребёнок будет. Нинка пишет: «Хорошо ты постарался в отпуске, как с цепи сорвался». Только меня сомнения берут: мой ребёнок или нет? Слишком она соблазнительная. А Петька, корефан с соседней улицы, давно на неё глаз положил.

– Да чего тебе сомневаться-то, ты же «фиксатый» (*у Горбатенко на зубах две фиксы*)? – рассмеялся ефрейтор Кандаков. – Вернёшься из армии, встретишься со своей Нинкой, возьмёшь на руки ребёнка и скажешь: «Открой ротик, малыш». И если зубки у малыша железные, значит, – *твой*, а если нет, то Петькина работа.

– Да ну тебя, не трави. И так тошно, – не принял шутку сержант.

– А ты не сомневайся, ревнивец. Надо было раньше думать. Лучше всех, конечно, Валерке Шлоссеру. Его Надька следом за ним приехала, устроилась здесь кондуктором на автобус. Теперь каждое его увольнение – для них *праздник*.

* * *

...В армию меня призвали накануне дня рождения – через десять дней мне должно было исполниться 23 года. До этого

мне давали отсрочку. И не только мне. Так было запланировано «наверху». Призываться должны были парни, достигшие девятнадцатилетнего возраста, но поскольку во время Второй мировой войны почти все мужчины были на фронте, детям неоткуда было братья. Учитывая это, руководство страны придерживало нас, родившихся до войны, в резерве, чтобы в нужное время пополнить нами военную обойму страны. После окончания техникума мне каждый год давали отсрочку в военкомате, как оказалось, до тех пор, пока я не женился. Моя невеста к этому времени закончила учёбу в Ленинградском политехническом институте и была направлена для работы в Баку. В сентябре 1961 года я приехал в Баку, зарегистрировал брак и увёз свою законную жену в город Чимкент (где жили её и мои родители, и где тогда я работал). Я рассчитывал, что как только снимусь с воинского учёта, мы уедем в Алма-Ату для дальнейшего совместного проживания. Но судьба распорядилась по-своему: и 16 ноября меня, молодожёна, призвали в Советскую армию.

После очередной комиссии нас, призывников, собрали со всей Южно-Казахстанской области с вещами в Чимкенте для отправки пока в столицу нашей родины – Москву. В Чимкенте мне удалось отпроситься у сержанта – «покупателя из Москвы» – на ночь для расставания с родными. К родным, в том числе и к своей жёнушке, я явился в большом подпитии (иначе сержант не отпустил бы меня – необходим был магарыч) и поэтому на утро был в ужасном состоянии не только

физически, но и душевно.

Посадили нас в плацкартные вагоны, и с этого момента мы не принадлежали себе. Главным нашим куратором стал сержант, который отпускал меня домой. К счастью, он оказался человеком добрым и знающим своё дело. Хотя мы ехали «навеселе», эксцессов не было. По его приказам назначалось дежурство по вагону. «Ответственные» следили за чистотой и порядком. Остальные слегка выпивали, пели и плясали под гармошку «цыганочку». Постепенно мы знакомились друг с другом. На душе было хотя и грустно, но не настолько, чтобы быть в отчаянии. Ведь нас было много, и мы были молоды, к тому же сверстники.

...В Москве нас провезли в метро до станции «Красная Пресня». Первое знакомство с подземными эскалаторами и изящными украшениями метрополитена. Тогда в метро я почувствовал какой-то особый, едва уловимый для новоиспечённых пассажиров, приятный аромат воздуха. А выглядели мы неприглядно: разношерстная по одежде толпа, сопровождаемая сержантами, быстро продвигалась по заданному направлению.

В воинской части на Красной Пресне в ожидании новых «покупателей» мы наблюдали за новобранцами, уже переодетыми в военные доспехи. Это были молодые солдаты – новое пополнение для парадных войск. Все они были как на подбор – высокие и стройные. Не привычно смешно было видеть, как лысоголовые красавцы чётко выполняют рас-

поряжения своих командиров. На наши насмешки и улыбки они реагировали молча, но неприязненно и высокомерно.

Нас, казахстанских призывников, после ознакомления с документами, рассортировали на группы и распределили по разным частям. Группу, в которой я оказался, электричкой направили в город Горький.

И вот мы уже на вокзале города. В ожидании дальнейших перипетий я брожу по залам вокзала и с большим интересом разглядываю настенные росписи, отражающие исторические моменты Нижнего Новгорода. А когда я оторвался от этого захватывающего созерцания – моих попутчиков и след простыл. Что делать? Решил обратиться к патрульным. «Ждите», – сказали они без особого удивления. Вскоре прибыл сержант, и уже одного меня на автобусе доставил в селение Дубёнки прямо в баню, где уже мылись мои сослуживцы.

* * *

Солдаты в бане:

– Не надевай рубаху, она стиралась вместе с портянками.

– Зато портянки стирались вместе с рубахами.

* * *

Я, конечно, немного приотстал от них, и поэтому при по-

лучении военной одежды мне достались сапоги на два размера больше.

* * *

Солдат: – Товарищ подполковник, обмундирование большое.

– Расти надо, сынок.

– Так не дают, товарищ подполковник.

– Хлеба ешь большие, чёрного.

* * *

Старшина, в чьё распоряжение мы поступили, сказал, чтобы я обувался в сапоги, какие есть, а потом будет замена. Однако когда я через некоторое время обратился к нему по этому вопросу, он ответил: «Слушай, во-первых, ты уже их носил, а во-вторых, большой размер даже лучше – ногам будет теплее» (Таким образом, мне пришлось носить эти «говнодавы» почти целый год, особенно было неприятно летом, когда и без того жарко).

...Потом последовал карантин. Отработка непривычных для гражданской жизни навыков. Ранний подъём -

Молодой солдат: – Я не проснусь, пока на меня не упадут и больно не придавят, -

физзарядка, уборка помещения. Одевание за 45 секунд. Бесконечные наряды по кухне и самая чёрная работа типа: вынос шлака из кочегарки, переборка овощей в овощехранилище, чистка плаца от снега и др. Спустя месяц – стрельба из автомата и принятие присяги. И после этого распределение по частям для прохождения дальнейшей, уже настоящей службы.

Присяга

(комментарий из будущего)

Присяга – это клятва. А потому должна быть осознанной. Но если раба выводят строем и дают прочесть перед строем текст, называя его клятвой-присягой – это абсурд. В армии должны присягать, прежде всего, офицеры, так как они добровольно выбрали военную службу. Присягу должны давать сверхсрочники старшины, прапорщики и все контрактники. Поскольку это тоже добровольно выбранное направление жизни. Естественно, должны давать клятву-присягу замполиты и люди, ответственные за воспитательную работу в армии. А, принудив солдата к присяге, как можно судить его за нарушение её? Конечно, в условиях мнимого социализма делать это было проще, поскольку люди верили в то, что строят достойную жизнь для всех членов общества, на страже которого стоит солдат. Тогда мы присягали на вер-

ность социалистическому отечеству, которое было гарантом нашей жизни и смыслом её.

...Единственное, чего я тогда не желал, это попасть в войска МВД, чтобы не охранять заключённых. Мне почему-то казалось, что я могу там совершить непоправимую оплошность: довериться зеку и залететь по своей наивной простоте в какую-нибудь страшную историю. А так, мне было в принципе всё равно, как мною будут распоряжаться, если уж я попал в армию.

После окончания техникума и работы в течение двух лет среди геологов и буровиков в полевых условиях я решил окончательно расстаться с геологией. Стал усиленно готовиться к экзаменам для поступления в университет на филологический факультет. И надо сказать, очень успешно, так как сдал вступительные экзамены на «отлично». Но при собеседовании оказалось, что после техникума я должен был отработать три года, а я отработал два. Таким образом, вместо университета, я загремел в армию. «Откосить» от неё не приходило мне в голову. Да тогда это не было принято. Через десять лет я, правда, окончил этот же университет с красным дипломом, только уже без отрыва от производства.

Танковые войска

Молодой солдат старослужащему:

– Сколько тебе ещё служить?

– *Теперь, чепуха.*

– *Сколько?*

– *Последний год идёт. А тебе?*

– *Мне? Три «чепухи».*

Определили меня в танковые войска и направили в город Дзержинск в воинскую часть «три семёрки две пятёрки» – 77755.

Доставили нас на электричке во второй половине дня и тотчас повели строем в солдатскую столовую, где накормили щами и перловой кашей. Каша показалась необыкновенно вкусной, и ел я её впервые в жизни. Я тогда ещё не знал, что это будет наш основной корм в течение трёх лет и что придёт время, когда я исключу её из своего меню навсегда.

Наши вещи находились в клубе, а нас опять же строем повели снова в столовую, где передали в распоряжение упитанного старшины-сверхсрочника, который выдал нам половые тряпки, куски хозяйственного мыла и определил фронт работ. Мы старательно на четвереньках намыливали и тщательно протирали кафельный пол столовой. Блок питания был просторен, здесь «принимал пищу» одновременно весь полк. Площадь была настолько обширной, что нам казалось – работе не будет конца. Мы не могли тогда предполагать, что нас «новичков» прекрасно использовали. Никогда матёрые солдаты не моют так полы. Достаточно намочить тряпку, расправить её на ширину рук и, пятясь, тянуть её от начала до конца, собирая мелкий мусор и увлажняя поверхность пола. Вот и всё. Процесс это длится недолго, а задание выполняется быстро и чётко, не говоря, конечно, о качестве.

Потом нас распределили по ротам. Я попал в первую роту второго танкового батальона. Командиром оказался капитан с очень уместной в армии фамилией – Солдатов. Он постоянно был сосредоточен на чём-то своём, не различая наших лиц. Туловище его было несколько коротковато, отчето руки и ноги представлялись не в меру длинными. А вообще он был очень исполнительным и совсем не агрессивным. Командиром экипажа, в котором я оказался в качестве заряжающего орудием, был немец младший сержант Ганн с разноцветными глазами: левый – строго карий, а правый – яр-

ко-голубой. Чувствовалось, что он старается добросовестно служить.

Командиры и механики-водители танков в большинстве своём прошли подготовку в учебном центре во Владимире, а младшему сержанту Ганну пришлось осваивать всё это непосредственно в полку. Наводчики и заряжающие знакомились с техникой и совершенствовались мастерство также на месте службы. Наверное, поэтому я впервые сел в танк без предварительной подготовки прямо во время стрельб. Получив коробку пулемётных патронов, я на военном полигоне по команде «в экипаж!» заскочил на танк, прыгнул вовнутрь отсека для заряжающего, потянул люк на себя, не ведая того, что он автоматически захлопывается и может запросто оттяпать пальцы рук. Дальше на огневой позиции я должен был вставить ленту в пулемёт, но её «заклинило», и я не знал, что делать. Младший сержант Ганн перегнулся со своего командирского места и ловким движением поправил ленту. Это спасло положение. Мы благополучно отстрелялись. Однако мне стало впервые не по себе, ведь это был тот самый момент, ради которого я был призван в армию.

на учениях

Итак, я стал заряжающим среднего танка. Кроме меня в экипаже было ещё три человека: командир, механик-водитель и наводчик. Поэтому песенка «Три танкиста, три весёлых друга» была не про нас. Солдатское довольствие у меня возросло до шести рублей тридцати копеек. Причём сюда входили 80 копеек на «табак». Раньше выдавали махорку, а потом заменили деньгами – не все же курят – резонно. Я тоже решил «разбогатеть» и бросил курить. Это позволило мне успешно преодолевать армейские «кроссы».

Солдат, бросивший курить: – Люди по трое детей бросают – и то воли хватает, а тут бросить курить...

...Солдатский ритм жизни захлестнул нас. В шесть утра подъём, прогулка, умывание, «приём пищи», политзанятия, строевая подготовка, работа в боксе по подготовке танков на зимнюю консервацию, наряды по хозяйству и караульная служба. Перед сном вечерняя прогулка и в 22 часа отбой. Всё это составляло повседневную армейскую жизнь.

Находясь в карауле, я вдруг понял, что с моим зрением не всё в порядке: смену караула я воспринимаю расплывчато по очертаниям или по голосу разводящего. Обратился в санчасть, мне выписали очки, и с тех пор я стал «очкариком». Охраняли мы танковые боксы. Всё делали по уставу: находились два часа на посту, затем два часа в караульном помещении бодрствовали, потом два часа спали и снова шли на пост.

Стоять постовым на морозе в тулупе с автоматом было нормально. Зато потом в течение 30-ти минут надо было охранять само караульное помещение, только уже не в тулупе, который передавался постовому, а в шинели. Тут-то и началась пляска на снегу. Когда было совсем от холода невмоготу, я задавал стрекача вокруг караулки, то и дело заглядывая в окно на часы. Но стрелки часов почти не двигались. С ужасом обнаруживая, что делаю круг всего за одну минуту, я продолжаю бег, ускоряя движение, чтобы не окоченеть от мороза. Этот момент, пожалуй, и был самым ярким и увлекательным в постовой службе. Всё остальное в карауле меня не особо напрягало.

Увольнение

Из разговоров: «В нашем городе на свист оборачиваются солдаты и их девки»

Я прослужил уже два месяца, но не был в увольнении, и даже не представлял, как солдаты проводят пять часов «свободного» времени за пределами части. Мне стало интересно, и я направился в город в составе заматерелых служак: сержанта третьего года службы Варфоломеева и младшего сержанта второго года службы Блохина. Оба они были механиками-водителями, прошедшими «учебку» во Владимире.

Перед выходом нас придиричиво осмотрел старшина: са-

поги были начищены до блеска, воротнички мундиров подшиты белой материей, сами были подстрижены и выбриты – выглядели по-армейски браво. Но как только мы смешались с городской толпой, я неожиданно почувствовал новое ощущение, до этого неведомое мне, я заметил совершеннейшее невнимание к нам гражданских лиц, особенно девушек – мы словно не существовали для них, взгляды пронзали нас, как незримый воздух. Это было непривычно, так как я вдруг осознал своё ничтожество в их представлении. А ведь всего-то и отличало нас от них то, что мы были переодеты в серую неприглядную одежду. С этого момента, находясь в увольнении, я уже чётко осознавал свою невзрачность на публике. Разумеется, если бы это было в военное время и люди целиком зависели от нас, они бы, наверное, по-другому воспринимали защитников их гражданской жизни. Но сейчас было не так: наш полк располагался внутри страны и было мирное время. Гражданские люди одевались ярко и красиво, и их внимание, естественно, не привлекали рядовые военнослужащие. Да что рядовые?.. Я вспомнил возмущение курсанта: «Я иду, – рассказывал он, – а ко мне обращаются все: «солдат», «солдат»... хотя у меня курсантские погоны». «Подумаешь, – возразили ему, – обиделся. И офицером станешь, окликать будут «солдатом», что из того?» «Ну, уж офицера-то, – не согласился он, – выделяют по звёздочкам».

Итак, мы, трое солдат, пройдя КПП, оказались в городе. Я целиком положился на «стариков», так как никаких пла-

нов, кроме любопытства к их действиям, у меня не было. Под предводительством сержанта Варфоломеева мы шустро прошли по центру города и целеустремлённо свернули в переулок, где в укромном месте находился известный им магазинчик. Там мы взяли бутылку водки и три сырка. Блохин привычным движением сунул бутылку за брючный пояс и запахнул шинель. Далее мы прошвырнулись мимо парка с качелями до стадиона, который огорожен высоким деревянным забором. Вход был закрыт. Прошли вдоль ограды и где-то на безлюдном месте, притулившись к изгороди, стали распивать водку. Пили глотками «из горла», вприкуску сырками. Старослужащие разговорились: вспоминали интересные моменты, в основном, где и при каких обстоятельствах приходилось потреблять спиртное до этого. Все расслабились. Разговоры оживились. Вспомнились и строгие порядки в учебном центре во Владимире, где обучались танкисты. Время постепенно набирало обороты. Засобирались в обратный путь. А идти было довольно далеко, приближаться к КПП пришлось даже бегом. Затем, оказывается, надо было пройти контрольный пункт без тени подозрения на то, что мы были «под мухой», иначе лишат удовольствия бывать в увольнении. Сначала запыхавшись, потом, усмирив дыхание и запахи алкоголя в себе, нам всё-таки удалось благополучно вернуться в расположение части.

Но после всех впечатлений мне, рядовому военнослужащему, уже женатому человеку, долго не хотелось в увольне-

ние. И, очевидно, не только мне.

Разговор старшины с солдатом:

Старшина: – Иванов, почему не идёшь в город?

Солдат: – Товарищ старшина, не могу я так идти, я же опозорю Советскую армию своим внешним видом. На меня же весь город смотреть будет. Ну, что это за мундир? Я же в нём, как цапля, а сапоги?.. Нет, товарищ старшина, не пойду.

Старшина: – Что сапоги? Сапоги, как сапоги. Ну, заплатка на голенище. Подумаешь. Собирайся, говорю.

Солдат: Нет, не могу. Не подстрижен я, и воротничка свежего на кителе нет.

Старшина: – Приказ: коллективный выход. Желательно выйти всем. Ведь в городе праздничный концерт будет для вас. Не пойдёшь? Хорошо, туалет выдრაишь, поймёшь.

Солдат (после ухода старшины) бормочет: – Запугал. Подумаешь, туалет. Зато целый день свободным буду.

Но армейское однообразие: муштра, душевное томление и осознание того, что ты, подобно кильки в томате, законсервирован в банке и находишься в замкнутом пространстве, пропитанном солдатским потом, – проникая в душу твою, делают своё дело. И ты незаметно для себя начинаешь ностальгически воспринимать гражданскую жизнь.

Однажды после долгого нахождения в казарме, вырвав-

шись в увольнение, я поймал себя на том, что, будучи в городе среди многолюдья, готов кричать: «Люди, я жадно вглядываюсь в ваши лица и каждого встречного помню и готов описать. Я так истосковался в казарме обо всех вас, что запоминается каждая чёрточка вашего лица и видится особенность вашего характера. На меня даже встречные оборачиваются, потому что взгляд мой слишком жаден и проницателен. Я улыбаюсь вам и прошу вас: позвольте на вас насмотреться!»

В тот раз я забрёл в универмаг и украдкой наблюдал за женщиной:

«Она была миниатюрной с правильно выточенным торсом. Её черноволосая головка и белое нежное лицо привлекали своим обаянием и, несмотря на некоторую несоразмерность с туловищем (головка была великовата), не умоляла впечатления. Карие глазки не скрывали грусти и как бы прямо в упор без предисловия говорили: «Я мала, но ведь и хороша?» И ещё на её лбу была чуть заметная морщинка, которая вызывала нежное сочувствие и умиление. Только руки говорили о настоящем её возрасте, о нервозности характера и ранних страданиях. Они были несколько узловатыми, хваткими и... волевыми», – записал я об этом в записной книжке.

...Тоска по мирным людям томила меня.

«Приём пищи»

Байка: – Слышали? Один солдат с голоду умер от того, что ложки не было.

* * *

Старшина: – Повар и в кашу «мат» кладёт, только вы не видите. Солдат умирает от «мата».

У солдат, оказывается, самые приятные моменты в жизни – это сон и обед, а точнее, как выражается старшина – «приём пищи». О «сне» – говорить нечего: это радость, которая выводит тебя за пределы армии. «Сновидения», уносящие к любимой, и вообще к свободе, – это чудо, лучше которого может быть только сама «любимая» и сама «свобода». И это понимаешь по-настоящему именно тогда, когда ты в заточении. А армия – это тоже заточение, хотя, как говорит кино-механик Грейф, называется «почётным долгом».

«Приём пищи» – это тоже восторг, только более внутренний, если не сказать «животный». В обед, как только подводят строем роты личного состава к столовой и открывают дверь, солдаты вылетают из строя, подобно дробинкам из патрона ружья, нажатого на курок, и несутся к своим столам, и руки их, переплетаясь, буквально расхватывают со-

держимое. При этом они успевают моментально сориентироваться, какой кусочек мяса или рыбы лучше. Так же расхватываются кубики сливочного масла (по утрам) и горстки рафинированного сахара. Содержимое казанов с горячими щами или кашей в расчёт не идёт. Это спокойно распределяется дежурным по алюминиевым чашкам с помощью «разводящего» половника. Ажиотаж вызывает только вкусятина. Однако картина происходящего неприглядна. В один из таких моментов я вдруг вспомнил рассказ геолога-югослава, который работал у нас в партии. Фамилия его Малишич. Будучи партизаном, он попал к немцам в плен. За решёткой оказалось большое скопление людей. Однажды немцы через решётку стали кидать куски хлеба, а люди, словно «оживотились», как собаки, бросались за ними. Немцы восторженно смеялись.

Вспомнив этот эпизод, я, доселе принимавший активное участие в состязании по «расхватыванию» столовских и других благ, взял себя в руки и стал в дальнейшем, как мне казалось, вести себя «достойно».

...Вскоре, однако, моё «достоинство» подверглось испытанию и обернулось против меня.

Нас подняли по тревоге на полевые учения. Получив зимние танковые комбинезоны и шлемы, мы ринулись в сушилку за валенками. Все мигом расхватали, кому какие надо, а я получил то, что досталось. Несмотря на то, что валенки были маловаты, они ещё оказались не просохшими. И мне «в бою»

было очень неудобно находиться при сильном морозе в металлическом танке в сырых валенках, потому что я, как любит выражаться старшина Горох, тогда остался «на бубнях». В конце концов, прямо на ходу в танке я снял валенки, вытащил из вещмешка запасные носки и переобулся в сапоги, в которых было, хотя и холодно, но удобно и терпимо.

Как я стал «художником»

В армии удивительно просто осваиваешь профессии, наверное, потому что, во-первых, кроме тебя, солдата, делать дела некому, во-вторых, здесь большее доверие молодым людям, чем на гражданке. Положим, плотником, портным, сапожником и поваром ты можешь стать запросто после того, как хотя бы один раз справился с таким видом работ. Потом тебя ещё несколько раз привлекут к подобному занятию. А затем ты уже по инерции станешь «плотником», «портным», «сапожником» и т. п. Всё это происходит естественным образом, потому что эти работы не столь специфически трудоёмки, как, например, вождение танка. А ведь и танки водят ребята 19-тилетнего возраста. На гражданке такое доверие – редкость.

Подобно «плотнику» и «портному» и я стал «художником», после того как заполнил чертёжным шрифтом список личного состава роты. Список этот нужен для проведения старшиной ежедневных (утром и вечером) проверок. Подго-

товив несколько раз такой список, я уже стал котироваться как потенциальный «художник». А когда в полку появилась необходимость создания *комнаты тыла*, обо мне тут же вспомнили и, снабдив подручными средствами – ватманом, клеем, перьями, тушью и прочими канцелярскими товарами, – усадили в кабинет для оформления стендов, отражающих сферу деятельности полкового тыла. Это произошло в марте 1962 года. Времени для завершения работ понадобилось больше месяца. Для меня во всём этом было ценным то, что я уже был менее подвержен сиюминутным командам и придишкам старшины и других младших командиров, и мог какое-то время оставаться наедине со своими мыслями. Именно Кабинет тыла определил моё армейское будущее, превратив в «художника», хотя до «живописца» мне было так же далеко, как до другой галактики. Зато до штаба полка, стало, как оказалось, рукой подать.

Однажды нежданно-негаданно в будущий Кабинет тыла вошёл майор из штаба полка и, молча, стал рассматривать, как я расписываю и украшаю стенд. Походив вокруг меня и не проронив ни слова, удалился. Через некоторое время зашёл ещё раз, спросил об образовании. Узнав, что я окончил геологоразведочный техникум, заинтересовался ещё более. И вдруг говорит: – А не хотели бы вы служить в штабе полка?.. На что я ответил, что мне всё равно, где служить, так как на службу меня брали не добровольцем. – А вы подумайте. В штабе всё-таки есть свои преимущества. Во-пер-

вых, служба в основном в «тепле», к тому же, если проявите себя, легче попасть в отпуск, – сказал он. – Товарищ майор, – отвечал я тогда, – я не гонюсь за «тёпленькими местами», потому что мне всё одно не хорошо, где бы я не служил в армии. – И всё же, подумайте, – сказал он и ушёл.

При следующей встрече я уже был более сговорчивым: – Ну, если вы считаете, что я там нужен, я согласен. Мне, как я уже говорил, без разницы, где служить.

Так я попал в штаб. «Тебе везёт», – говорят мне сослуживцы. Но я не дорожу этим везением, хотя многие мечтают попасть туда.

... Повседневная штабная работа сводилась к составлению разных таблиц, схем, расписаний. Писалось всё это либо плакатными перьями, либо «солдатиком», так называли мы в школе перо «рондо». В ход пускалась разноцветная тушь.

Рабочее место моё определилось в кабинете заместителя начальника штаба – моего босса, в котором находились ещё два майора разных направлений. Обычно они являлись в 9-00 утра, когда я уже был на месте, и трудились до 18-00. Затем уходили со службы, мне же мой начальник давал задание ещё на ночь. Его не волновало то, что после него за меня брался ещё зануда старшина Шмалько, допекая не столько командами, сколько своими придирками. Он требовал не только беспрекословного исполнения своих приказаний, но и того, чтобы ещё и слушали его разглагольствования не с усмешкой и достоинством, а с заискиванием. Были, правда,

у него свои любимчики, но он не понимал, что они просто пользуются его слабостями, позволяя себе самоволки и совместные с ним выпивки. У старшины Шмалько – командира нашего комендантского взвода излюбленным выражением было: «Ну, что это за жизнь, если живёшь и не мучаешься?»»

...Со временем я понял, что самое лучшее в армии – это отпуск. И стал усиленно думать, как мне его добиться. Все другие поощрения («благодарность», «грамота», значок «отличника» и повышение в звании) – мне были «до фонаря». Особенно коробило звание «ефрейтор».

* * *

В темноте какой-то солдат безмерно раскомандовался, а другой говорит
ему: – Кричишь, а на плечах-то у тебя что-нибудь есть?
Третий солдат: – Было бы – не кричал так.
Четвёртый солдат: – От того и кричит, что хочет стать «ефрейтором».

* * *

Он очень хотел быть великим. И на первом году службы стал
ефрейтором.

* * *

Однако все мои армейские друзья, какие находились при штабе, не избежали этого ранга. Я же сознательно накануне праздников, когда обычно поощряли солдат, «провоци-

ровал» старшину Шмалько на столкновение, после чего он бормотал: «Нет, этот писаришка не достоин стать «ефрейтором».

Обычно наши разговоры сводились к следующему диалогу:

Он: – Вы только себя любите.

Я: – А вы меня?

Он: – Как разговариваешь с командиром?

Я: – А вы командуйте и не лезьте в душу.

Он: – Ещё учить меня будешь. И так с вами, и так. Я не пойму, чего вы хотите?

Я: – Я хочу, чтобы вы приказывали и только, без этих «гуманных» правоучений.

Он: – Счастье ваше, что не при Жукове служите. Заставил бы я вас

могилу глубиной два метра копать для захоронения окурка.

Поумничали бы тогда.

А моё желанное поощрение – «отпуск», к счастью, исходило не от старшины, а от офицеров штаба, где мне приходилось «горбатиться» отменно каждый день до поздней ночи, выполняя безоговорочно все их приказания. Особенно были большие нагрузки перед штабными и другими учениями,

когда надо, разобравшись в номенклатурных листах, вырезать и склеивать топографические карты самого разного размера, порой включающие все страны Варшавского договора. А после этого ещё нанести условными знаками «свою» и «вражескую» обстановку не только на одной карте размером в солдатское одеяло, а на всех экземплярах, которые предназначались старшим офицерам, начиная с командира полка и ниже. Время всегда было предельно ограниченное. Все условные знаки наносились тушью, а позднее – что было ещё хуже – цветными карандашами, которые то и дело надо было подтачивать, а стержни ломались.

Комментарий из будущего:

Штабной труд был в основном «марафетный». Но он был необходим моим командирам.

Не берусь судить, насколько это было на самом деле плодотворно для армии. Но я, солдат Родины, выполнял то, что было приказано. Позже, вспоминая те дни, я пришёл к выводу, что более чем в тот период, я за всю свою жизнь не работал так напряжённо.

Рядовой Гольдберг

Кинемеханик Грейф: «Если бы сами солдаты уважали друг друга, служба была бы намного легче»

У Гольдберга было хорошее настроение. Это был один из счастливейших армейских дней, когда молодой солдат вдруг чувствует, что тоски о доме как не бывало. Он сознаёт, что, наконец, занял своё место в солдатском строю.

В задумчивости он прошёл в Ленкомнату. Здесь в окружении солдат увлечённо «сражались» двое старослужащих в настольный теннис. Очевидно, Гольдберг, не успев сориентироваться, помешал одному из игравших.

– Ну-ка, ты, салага, не путайся под ногами – проваливай отсюда! – резко сказал тот.

– Чего стоишь, осовел что ли? – возмутился другой. – Не понял, что мешаешь играть?

И прежде чем Гольдберг успел выйти из задумчивости, к нему подскочил играющий поджарый солдат второго года службы:

– Ну, чего уставился, салажка, получить, что ли захотел?

– Ты что, с ума сошёл?.. – растерянно пробормотал Гольдберг. Договорить ему не удалось. Поджарый солдат со словами « Так ты действительно хочешь?» ударил ногой в грудь. Гольдберг пошатнулся и сел на стулья. Удар был слабый, но совершенно неожиданный. Гольдберг вскочил и, подбежав к столу, вдруг оторопел, так как поджарый уже прыгал с ракеткой, отбивая шарик, словно ничего не произошло. Гольдберг смутился, не решаясь что-либо предпринять. Солдаты насторожились в ожидании инцидента, но тут же успокоились. Момент был упущен. Послышался возмущённый голос

болельщика: « Он и в самом деле болван. Слушай, ты, проваливай отсюда, потом будете разбираться». И тут зашёл офицер – Гольдберг понял, что момент точно упущен. А на душе было скверно, очень гадко...

Весь этот день Гольдберг ходил убитый, он всё думал, что же делать? Встретиться с «поджарым» где-нибудь в туалете, стукнуть при всех или... сообщить начальству? А ведь «поджарый» сказал: « Теперь ясно – по комсомольской линии пойдёт». Но Гольдберг был в сущности не плохим парнем и сознавал, как всё это произошло глупо. К начальству он, естественно, не пойдёт, но делать всё равно что-то надо, причём сегодня же, завтра будет поздно.

День прошёл в душевных терзаниях. Ночью Гольдберг вновь почувствовал себя жалким одиноким человеком, заброшенным судьбой к грубым жестоким людям. « Но ведь они как-то живут и общаются между собой, – рассуждал он. Просто они меня приняли за какого-то хлюпика, а я, к сожалению, не знаю ключа к ним. Так что же делать?»

Спать почти не пришлось. Вспомнилась любимая девушка, которая, как и любая женщина, видела в своём возлюбленном нечто единственное и неповторимое. И Гольдберг ещё раз произнёс: « Надо что-то делать. Как бы посмотрела на всё это моя милая Светлана? Сейчас я просто не имею права говорить ей «милая». Я трус, трус. Неужели это правда?! Чёрт побери, я трус». От этого слова его бросило в дрожь: «Почему я так расслаблен? Ведь у меня уже нет же-

лания ни избивать «поджарого», ни даже оскорблять... Может, тот сам поймёт, что не прав?..»

К утру Гольдберг всё-таки заснул, а утром вновь: «Что делать?..» И опять неуверенность в себе, опять тоскливый робкий взгляд одинокого человека, заброшенного судьбой к грубым, жестоким людям. « Да будет ли конец этому неотомщённому страданию?» – содрогнулся Гольдберг. А внутренний голос уже успокаивал его: « Глупо всё это. Время дуэлей прошло. А он поймёт... поймёт, конечно, что был не прав. А ты забудь и успокойся».

...Через два месяца Гольдберга забрали в штаб. А ещё через месяц он, вконец освоившись с новым назначением, в просторном кабинете командира полка разложил топографическую карту по номенклатурным листам и, целиком включившись в дело, с помощью кисти и клея заготавливал планшеты для штабных учений.

Через два часа из штаба дивизии должны доставить секретный пакет, в котором будет сообщена военная обстановка неприятельских войск. Сведения о расположении войск необходимо будет в виде синих и чёрных ромбиков, условно обозначающих танки, и дугообразных зубчатых линий – предполагаемых окопов и заградительных валов, нанести на карты, которые Гольдберг сейчас клеил. Одна карта размером три с половиной метра в длину и два в ширину уже была готова. Вторая находилась в стадии завершения. Верхний

край её лежал на столе, а нижний, свисая, занимал часть пола. Гольдберг очень нервничал. Ему надо было подготовить пять экземпляров таких карт. А после получения пакета ещё нанести тушью свою и вражескую обстановку на эти карты. Короче, предстояла большая работа. Весь штаб был в напряжении. Офицеры и дежурный по штабу, выполняя поручения и приказы, то и дело проносились мимо Гольдберга и его карт. Увлечённый делом, он совсем не заметил, как оттолкнул одного из солдат, который, оступившись, невольно сдвинул карту. Гольдберг, не сдержавшись, даже зарычал на того. Солдат посмотрел на него тяжело и многозначительно.

На следующий день, когда ажиотаж в штабе прошёл, к Гольдбергу подошёл солдат и, неприязненно глядя в глаза, произнёс:

– Я говорить с тобой хочу. – Гольдберг с любопытством обратил на него взор.

– Вчера, когда я был дневальным по штабу, – продолжил солдат, – ты небрежно обратился со мной, а ведь ты молодой солдат.

– Не помню, честное слово, не помню. Когда это было? – искренне изумился Гольдберг. Солдат напомнил. Гольдбергу стало неудобно: – Слушай, брат, ты, пожалуйста, извини меня, я в такой был запарке, что действительно мог и толкнуть кого угодно, и нахамить.

Солдат задумался и, с трудом преодолев гнев, выдохнул: – Да ладно.

На этом инцидент заглох, но Гольдберг неожиданно вспомнил «поджарого» солдата, который когда-то его тоже обидел.

Младший сержант Митин

Капитан Котлов солдатам:

*– Я в Монголии семь лет не читал литературы, не слушал радио, не видел женщин -
и то не оступел.*

Как молодой солдат, я их всех – Митиных, Ивановых, Сидоровых и других – сначала путал. Все они были для меня просто старослужащими – грубыми и наглыми служаками. И лишь со временем я научился разбираться в окружающих меня солдатах. Как ни странно, оказалось, что каждый из них занимает своё место, что у каждого есть свои «kozyри» и недостатки, согласно которым они расставлены в нашем едином солдатском строю.

Меня впервые отпустили за пределы части не по «увольнительной», а по «маршрутному листу» конкретно на почту в сопровождении двух старослужащих, которым надо было туда же. Сейчас они шагали впереди. Город сиял, освещённый фонарями, а я в нём выглядел жалким человечком, случайно оказавшимся на свободе. Я всё ещё продолжал робко приглядываться ко всему вокруг, как и в казарме, а не

смотреть уверенно смелым взглядом на окружающее. Именно так бывает в первое время службы. Между тем мои «начальники» – старослужащие (младший сержант и рядовой), шагали весьма устремлено, увлечённые разговором. Я и не пытался вклиниться в их беседу – чего доброго обидятся. «В армии вообще какие-то странно-озлобленные люди», – пришёл к выводу я в последнее время. А сейчас впереди я вдруг увидел офицера. «Надо же отдавать честь, – мелькнуло в сознании. – А с другой стороны, мне-то что волноваться? Буду поступать так, как мои спутники», – решил я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.